

«ПРОСТО ВСТРЕТИЛИСЬ ДВА ОДИНОЧЕСТВА»: ПОЗДНЕСОВЕТСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО И УПРАВЛЕНИЕ КОНТАКТОМ

Михаил Кулагин

Михаил Кулагин, аспирантская школа по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия. kulagin.mi@mail.ru.

Статья посвящена исследованию позднесоветского одиночества и организационным решениям по его преодолению. Автор обращается к изучению конституирующих одиночество сетей социальных отношений, материальных артефактов, опосредовавших установление контактов между одинокими людьми, а также составу социотехнических инфраструктур, задававших маршруты движений людей, вещей и информации. Открытие одиночества в качестве актуальной для СССР социальной проблемы, произошедшее в ходе газетных дискуссий 1970–1980-х годов, обнаружило ее пространственную укорененность. Социальное явление описывалось участниками публичных обсуждений как проблема, имеющая специфические места географической концентрации (современные города, «города невест», «Север»), что привело в позднем СССР к выработке комплексных топологических решений для ее преодоления. Из множества мер борьбы с одиночеством автором были рассмотрены вечера общения «Для тех, кому за 30», брачные объявления и службы знакомств. В статье описаны процесс возникновения вечеров общения и особенности их пространственного и темпорального устройства, продемонстрирован принцип их функционирования, позволявший адаптировать культурно-массовые мероприятия к задаче модерирования знакомства одиноких, и отмечено влияние таких вечеров на превращение домов культуры в центры противостояния одиночеству. Появление в позднесоветский период брачных объявлений в советской прессе рассмотрено как результат культурного трансфера, а сами они описаны в качестве опосредующей социальной технологии, предварявшей личную встречу. Определено влияние материальности коммуникации, позволявшей устанавливать контакты между одиночками из разных концов Советского Союза, на организацию связи. Служба знакомств рассмотрена как учреждение, сочетавшее в себе ранее существовавшие технические решения, к которым добавлялась картотека анкет, описанная как репозиторий одиночества, и показана роль ЭВМ и стационарного телефона в обеспечении контактов одиноких. В заключение делается вывод о возникновении проблемы одиночества и ее решениях как о маркерах качественных изменений советской социальности. Учреждения и социальные технологии, направленные на борьбу с одиночеством, координировали человеческие судьбы, побуждая к мобильности и устраняя тем самым пространственные и временные разрывы поздней современности. Источниками исследования выступили материалы центральной и местной прессы, письма одиноких людей из фондов «Литературной газеты», стенограммы экспертных сове-

щений в редакции, воспоминания, художественная литература и документальный фильм «Разрешите познакомиться» (реж. Николай Боронин, 1976) о первых попытках организованного преодоления одиночества.

Ключевые слова: одиночество; поздний СССР; поздний социализм; встреча; знакомства; социальная топология; другие пространства; служба знакомств; брачные объявления

«Люди встречаются, люди влюбляются, женятся». В таком лаконичном виде вокально-инструментальный ансамбль «Веселые ребята» представил логическую последовательность развития романтических отношений эпохи позднего СССР в шлягере 1971 года «Люди встречаются». По сюжету лирическому герою никак не удается найти ту самую, пока однажды на перроне он не заметил «стройную, милую, очень красивую девушку». Их взгляды пересекаются, она садится в свой вагон и улыбается ему. События, казалось, развиваются согласно формуле из первой строки: встреча произошла, влюбленность (по крайней мере, у него) возникла, но женитьбе не суждено было случиться – поезд тронулся, оставив героя растерянно махать вслед ускользнувшему счастью.

Историю вряд ли можно назвать оригинальной, и в этом смысле трудно определить, что именно сделало песню всенародным хитом. Тем не менее, представляется, что время ее появления сыграло не последнюю роль. Всесоюзная перепись населения 1970 года обнаружила, что почти каждый третий мужчина и каждая вторая женщина брачного возраста не состояли в зарегистрированных отношениях. Прежде небывалое количество одиноких демографы объясняли половым дисбалансом Великой Отечественной войны и связанными с ним изменениями брачного поведения вроде повышения возраста вступления в брак (Болдырев 1974:31–33; Переведенцев 1972:18–20). Однако не все были согласны с такой трактовкой. Еще в конце 1960-х годов в центральной прессе возникла дискуссия о причинах растущего числа одиноких людей и мерах государственной помощи им. Она началась в 1967 году с публикации в № 23 «Литературной газеты» («ЛГ») статьи «Средство против одиночества?» чехословацкой журналистки Мирославы Ректорисовой об опыте ЧССР по обнаружению одиночества и организации специализированных служб знакомств для его преодоления. В удивившем литгазетовцев вале читательских писем в редакцию с призывами к скорейшему воспроизведению опыта друзей на советской земле¹, а также в последовавших ответных статьях советских экспертов, рассуждавших о природе одиночества и подходящих социалистической морали способах борьбы с ним, одиночество представало современной проблемой, порожденной модернизационными процессами и требовавшей привлечения наиболее передовых средств для ее искоренения (Пекелис 1969; Рюриков 1970; Соловьев 1968; Урланис 1968). Так, одиночество в СССР стало видимым и актуальным, а упомянутая выше песня о невезучем «что просто беда» юноше, случайной встрече и скором расставании – злободневной.

Хотя героя «Люди встречаются» можно посчитать несчастным, тысячи советских одиночек могли бы ему позавидовать. Шаблонный трехэтапный путь к се-

¹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 1–5.

мейной жизни оказывался для них непосильным с самого начала, ведь «прежде чем возникнут какие-либо чувства люди должны как-то встретиться друг друга»², а именно установление первого контакта оказывалось проблематичным. В этой невозможности сойтись с потенциальным объектом любви одинокие люди видели главную причину своего положения. Но чем она была обусловлена? Какие причины вызывали такие фатальные несовпадения? Каким образом экспертная проблематизация одиночества повлияла на выработку практических средств для его преодоления? Как возникшие вследствие этого технологии и учреждения обеспечивали желанную встречу? Наконец, что характер распознанной проблемы и избранных для ее преодоления решений может сообщить нам о культурных и управленческих логиках позднего социализма? Отвечая на эти вопросы, я продемонстрирую, как в ходе дискурсивного открытия одиночества обнаружились его пространственные «корни», какие центры локализации и очаги возникновения были обнаружены и как с помощью инфраструктурных регуляций выстраивалась особая топология управления, направленная на избавление от него.

ПРОЛЕГОМНЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ОДИНОЧЕСТВА

Озабоченность ростом числа одиноких людей не была отличительной чертой СССР конца 1960-х годов. Во второй половине XX века одиночество стало восприниматься в качестве проблемы по обе стороны «железного занавеса», оказываясь побочным эффектом перехода к постиндустриальному обществу. Неслучайно исследователи отыскивают корни современной «эпидемии одиночества» в социальных изменениях 1950–1960-х годов (Кляйненберг [2012] 2014:20; Dumm 2008:41; Snell 2017:7). Однако история одиночества началась не в середине XX века.

Значительная часть историков, пишущих об одиночестве, связывает его возникновение с наступлением эпохи модерна. Секуляризация, увеличение числа одиночных домохозяйств, изменение брачных структур, снижение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, урбанизация и рост доступности образования стали ключевыми трендами, определившими лицо Нового времени. Одиночество же – закономерное следствие и вместе с тем явление, давшее основание для формирования критики современного проекта (Винсент [2015] 2022:37). Противники модернизации позиционировали его как результат всех нежелательных модернистских перемен, «извративших» человеческие отношения. Они видели в одиночестве настоящую патологию, угрожающую физическому здоровью (39). Возникавший в то же время пучок практик уединения вроде фланирования, загородных прогулок на лоне природы или раскладывания пасьянса (76–88, 115–118) обозначил формирование социальности, в которой основная роль принадлежала отдельному индивиду, умело контролировавшему степень собственной включенности в общество. В результате распознавание одиночества в качестве самостоятельного феномена маркирует вступление в новый исторический период, а само

² РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1444, л. 30.

понятие, как замечает историк Фэй Баунд Альберти, схватывает специфически современный социальный опыт, в котором меланхолия и тоска пересекаются с радостью и удовольствием (Alberti 2019:31–35). Одиночество, таким образом, оказывается следствием как крупных модернизационных перемен в социальности вроде увеличения числа одиночных домохозяйств, нуклеаризации семьи, миграции населения из сельской местности в города, сопряженной с утратой устоявшихся социальных связей, так и тенденции к индивидуализации – такому способу выстраивания отношений с другими и с самим собой, для которого особую значимость приобретают личностные характеристики.

Десятилетия после Второй мировой войны, характеризующиеся социальным ускорением и усложнением социальных форм (Rosa 2013:97–108), интенсифицировали современные тенденции предельной индивидуации и атомизации. Последние отчетливо проявились даже в коллективистски ориентированном советском государстве, где механизмы партийного контроля более не носили тотального характера, истончались и направлялись на работу с отдельной уникальной личностью (Бикбов 2014:217–238; Пинский 2018:18–20; Хархордин 2021:447–456). Произшедшие качественные изменения в режимах производства знания и управления сделали обнаружение одиночества в СССР возможным.

Модерное одиночество рождается в городе. Оно берет начало в культе человеческой личности, сформированной городской культурой. Призванный объединить индивидов для служения общественным целям, культ индивида нередко заканчивался замыканием горожан на самих себе. Оторванность от «общего дела» (Дюркгейм [1897] 1994:330) приводила к глубокому одиночеству, радикальным выходом из которого порой становилось самоубийство. К одиночеству располагала сама логика городской жизни: предельная рационализация человеческих контактов, ежедневное взаимодействие с незнакомцами, краткость и редкость значимых встреч превращали обособленность и равнодушие в главные характеристики внутреннего отношения городских жителей друг к другу. Физическая близость оборачивалась духовной отдаленностью, ведь «нигде не чувствуешь себя таким одиноким и покинутым, как среди общей давки больших городов» (Зиммель 2002:8).

Эрозия коммунальности в городах и индивидуалистический этос модерности требовали адаптации. Если небольшая прослойка убежденных холостяков извлекала выгоду из царившей в городе разобщенности, множа свои «любовные победы» (Chudacoff 2020), то для стремившихся к семейной жизни недостаток связности оказывался препятствием, преодоление которого требовало общественной помощи. Кажется, раньше всех это заметили в Великобритании: газеты с брачными объявлениями появились там еще в XVII веке, а к концу XIX века они стали привычным явлением городской жизни (Cocks 2009:5–9). Брачные бюро, возникшие на стыке XIX и XX веков, помогали находить пару представителям разрастающейся группы клерков и мелких госслужащих, а также рабочим, пришедшим в город на заработки и лишенным привычных способов поиска спутников жизни. Актуальность средств, которые бы восстанавливали оставленные городским образом жизни прорехи в социальной ткани, проявилась в 1970-х годах, когда число

разводов и количество никогда не состоявших в браке британцев резко возросли (Strimpel 2023:149–161). Тогда же к сервисным решениям добавились более масштабные, нацеленные на изменение способов существования в городе. По всей Европе и особенно в Западной Германии молодые люди, желая преодолеть изоляцию и одиночество, устремлялись в коммуны (Häberlen 2021), а в Советском Союзе амбициозные архитекторы из группы «Новый элемент расселения» предлагали проект новых городов, в которых создание пространств творческого общения было бы приоритетом при групповом расселении (Kurg 2019). Брачные объявления, бюро знакомств, коммуны и новации урбанистов были технологиями исправления аберраций городской жизни, позволявшими городу вновь стать местом, где незнакомцы все-таки встречаются.

Значимость встречи для социальных отношений подчеркивали многие. Конверс-аналитики, социальные интеракционисты и социологи мобильности концептуализировали встречу как ситуацию взаимодействия, обладающую конкретным местом, временем, задающую сеттинг коммуникации и поддерживающую функционирование социальных сетей (Гофман [1967] 2009:120–137; Сакс и др. [1974] 2015:142–202; Урри [2007] 2012:410–442), а литературовед и философ Михаил Бахтин писал о мотиве и хронотопе встречи как важнейших сюжетобразующих элементах рассказа (1975:234–407). Общим местом в этих подходах становится понимание встречи как концепта, схватывающего социальное взаимодействие в его пространственности и временности. В мирах поздней современности координация людских, вещественных и информационных потоков, направленная на их пересечение в конкретном месте в конкретное время, оказывается связанной со сложными инфраструктурами. В итоге встреча становится результатом совмещения усилий целой россыпи институтов и социальных акторов. Если для исследователей капиталистических обществ такая опосредованность контакта успела стать предметом аналитической рефлексии (Ismail et al. 2022; Soliz 2021), то позднесоциалистический опыт остается мало изученным. При описании «тусовщиков»³ из ленинградского кафе «Сайгон», неформальных коллективов на «изнанке» социальной жизни, хипповской «Системы»⁴ историки, политологи и антропологи обозначают важность встреч в определенных местах, а также специфических перемещений на пути к ним для складывания сообществ и их нормативного регулирования (Фюрст 2023:88–95; Хархордин 2021:397–411; Юрчак [2005] 2014:281–291). Обозначенные механизмы обеспечения встреч высвечивают сами принципы устройства социальности, позволяющие зафиксировать вступление СССР в позднюю современность.

³ Жаргонным термином «тусовщики», как замечает антрополог Алексей Юрчак ([2005] 2014), в СССР обозначались члены социальных сред («тусовок»), которые не были институционально и профессионально оформлены, но были организованы по принципу общности интересов и регулярного общения их участников. Подобная среда сложилась в ленинградском кафе «Сайгон», который Юрчак описывает как пример одного из мест венаходимости.

⁴ «Система» – термин, который советские хиппи использовали для обозначения своего сообщества. Членство в «Системе» предполагало не только следование определенной моде, но и обязательное посещение «хипповских» мест.

Следуя за исследователями позднего социализма, я обращаюсь к изучению способов организации контактов, направленных на избавление от одиночества, понятого как результат не-встречи. Пространственно-временная дефицитарность одиночества затребовала изобретения новых приемов налаживания контактов. Направленные на создание социально значимых встреч, они представляли собой особые машины координации, описанию которых и будет посвящена данная статья.

ДИНАМИЗМ НАШЕГО ВЕКА

Статья Ректорисовой «Средство против одиночества?» (1967) о недавно открывшихся в ЧССР службах знакомств показала, как проблема одиночества, сперва замеченная в сельской местности, после журналистского эксперимента с подложными брачными объявлениями стала восприниматься как общереспубликанская, а свое решение, не имевшее, судя по названию, альтернатив, обрела в городе. Как сообщала автор, в пяти крупных городах – Праге, Пльзене, Брно, Остраве и Оломоуце – успешно работали бюро знакомств, в которых психологи консультировали клиентов, а потенциальные партнеры подбирались с использованием ЭВМ. Привлечение пси-специалистов вкупе с обращением за помощью к кибернетике переводили одиночество в ранг недугов современности, требовавших столь же передовых способов преодоления.

Статья о чехословацком опыте вызвала неожиданно большое количество читательских откликов, одобрявших начинание друзей по социалистическому лагерю и настаивавших на необходимости его воспроизведения в СССР. Тем не менее, газета не спешила выступать с призывами к скорейшему созданию советских служб знакомств. Вместо этого она организовала закрытый круглый стол с целью установить, возможно ли создание подобных учреждений в Советском Союзе⁵. Для участия в обсуждении были привлечены эксперты из разных дисциплин, предметом которых являлись различные аспекты отношений между мужчиной и женщиной. Приведенный в стенограмме заседания список присутствовавших включал юристов, социологов, сексопатологов, писателей, журналистов. Формируя пул дискуссионтов, редакция привлекла для участия в обсуждении тех, кто уже ранее выступал в газете со статьями и заметками. В 1960-х годах «ЛГ» становится одной из главных публичных трибун для представителей некогда запрещенных (социологии) или только возникающих (сексопатологии) дисциплин. Действуя в русле тренда на союз прессы и науки (Huxtable 2013), она создавала специализированные рубрики (например, «Научные среды») и устанавливала контакты с учеными, которые вместе с постоянно присутствовавшими на страницах газеты прозаиками и поэтами составили круг постоянных экспертов.

Прежде чем оценить возможность организации служб знакомств в СССР, необходимо было атрибутировать проблему, против которой они направлялись. С оглядкой на статью Ректорисовой организаторы и приглашенные эксперты рассматривали одиночество в «семейном ключе», понимая его как состояние отсутствия романтического партнера. Между тем причины распространенности такого

⁵ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 4.

состояния участники предлагали разные. Например, в репликах сексопатологов Павла Посвянского и Георгия Васильченко одиночество оказывалось результатом медицинских патологий и нехватки сексуального просвещения, приводивших к распаду существующих семей и затруднявших образование новых, в высказываниях социолога Арона Дондыша – следствием полового дисбаланса, вызванного последствиями Второй мировой войны, а в выступлениях феминистки настроенной журналистки Ларисы Кузнецовой – итогом женской эмансипации и случившегося в 1965 году упрощения процедуры развода⁶. Такое пестрое разнообразие объяснений было связано с профессиональной принадлежностью говоривших. Привлекая дискурсивные ресурсы знакомых им дисциплин, они предпринимали попытки «стабилизировать» одиночество, включив его в уже существующие классификации, порядки говорения и сети отношений; так, они превращали его в пригодный для управления объект⁷. Разрозненные подходы к пониманию одиночества и, как следствие, к поиску средств его преодоления порождали острые споры между участниками круглого стола, однако с тем, что само явление связано с жизнью в современном городе, кажется, были согласны все⁸.

В своих выступлениях эксперты, среди которых не было ни архитекторов, ни градостроителей, в попытках объяснить причины растущего одиночества среди советских граждан «воображали» современные города, наделяя их конкретными качествами и свойствами. Одни считали, что город сам по себе продуцирует одиночество. Так, социолог Дондыш говорил об отсутствии в разнузданном городе «провинциальной совести», удерживающей пары от разводов, в результате чего общее количество не состоявших в браке возрастало, а писатель Николай Атаров вообще видел в городе место «комплексной неполноценности», обострявшей переживание одиночества, которое «на хуторах [. . .] ощущается меньше»⁹. Критическое отношение к городу, схожее с выработанным прозаиками-деревенщиками¹⁰, обнаруживало проблему в процессе урбанизации и самой его природе, неизменно приводивших к негативным последствиям. Одиночество было одним из них.

⁶ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 30, 34, 21.

⁷ По мнению Мишеля Фуко ([1969] 2004), объекты возникают в конкретном дискурсе согласно установленному в нем способу формирования, определяющему принцип дискурсивной формации. Этот принцип задает правила и законы для говорения об объекте, устанавливает пригодные пути его использования. Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф (Laclau and Mouffe 2001) дополняют эти построения замечанием, что значение дискурсивного объекта является плавающим и может быть предметом борьбы нескольких дискурсов, предполагающих разные системы отношений и обращения с объектом. Позднесоветское одиночество оказывается как раз таким объектом.

⁸ Подробнее об участниках и ходе дискуссии см. Кулагин (2024).

⁹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 22, 70, 71.

¹⁰ Анна Разувалова, характеризуя «неопочвеннический консерватизм» «деревенщиков», указывает, что возникновение подобного направления было связано с потребностью выразить экзистенциальную тревогу, возникшую в связи с модернизационными процессами. «Деревенщики», предлагая контрмодернизационную риторику, связывали с городом и урбанизацией негативные проявления модернизации (2015:38–80). Участники дискуссии в «ЛГ», связывая распространение одиночества с урбанизацией, действовали в той же логике.

Несколько конкретнее высказался известный советский сексопатолог Посвянский. Он воспринимал одиночество не как проблему «города вообще», но как аберрацию его позднесоветской формы. Одну из причин он видел в замкнутости кругов общения и ограниченности контактов горожанина, «хотя мы и встречаемся с огромным количеством людей»¹¹. Ссылаясь на социологические исследования, согласно которым «браки заключаются на 40% среди жителей одного села, одного дома или одного и того же учреждения», Посвянский указывал на качественный недостаток городского взаимодействия, поскольку оно, при всей его частоте, не было в достаточной мере плотным. Несмотря на множественность ежедневных передвижений жителей республиканских столиц и региональных центров в густонаселенной среде, люди не заводили новых знакомств. Сексопатолог, таким образом, фиксировал качественное изменение позднесоветской социальности: рутинные, часто вынужденные, сближения не приводили к расширению устойчивых социальных контактов – люди сталкивались, но не *встречались*, потому что это требовало перемещений и взаимодействий иного рода.

Представительница одного из московских ЗАГСов тов. Дащенко своей репликой подтверждала эту догадку Посвянского: «40% браков заключается с иногородними. Жених или невеста живут не в данном городе. Они где-то случайно знакомятся на юге или где-то в другом городе»¹². Таким образом, почти в половине случаев создание семьи требовало географической мобильности, обеспечивавшей заветную встречу. Одиночество как таковое становилось результатом ограниченного городского движения и способа его проживания. Устоявшиеся маршруты передвижений не предполагали спонтанных остановок и внезапных контактов. В отличие от рабочих командировок и туристических вояжей, подразумевавших новые знакомства, каждодневные передвижения по городу были частью мира повседневности. Само перемещение представляло лишь технической процедурой, связывавшей наполненные значимыми встречами конечные точки пути. Как считали эксперты, именно «урбанизм» с его хаотичностью и атомизацией разобщал индивидов, укореняя одиночество в городе.

Между тем к пространственной прописке добавлялась темпоральная – одиночество признавалось проблемой современности. Все тот же Посвянский полагал современность разрушительницей привычных форм брака¹³, что, по его мнению, и приводило к росту числа одиноких людей. Для сексопатолога брак и сексуальные отношения оказывались синонимами, поэтому изменявшая пред-

¹¹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 34. Схожим образом проблему видели архитекторы 1960-х годов. Наиболее выразителен пример московской группы «Новый элемент расселения», участники которой предложили новый подход к городскому планированию. Осознавая атомизирующие последствия урбанизации, они стремились сделать города органичной жизненной средой. Предлагаемая ими структура группового расселения должна была путем грамотной организации общественных пространств способствовать каждодневному свободному, творческому общению («господствующая форма общения в бесклассовом коммунистическом обществе»), обеспечивающему связь со всеми (Kurg 2019).

¹² РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 55.

¹³ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 38.

ставления общественной морали современность казалась ему причиной распространения половых заболеваний, боязнь которых в свою очередь мешала образовывать пары.

Журналистка газет «Труд» и «ЛГ» Кузнецова, активно занимавшаяся «женской темой», замечала, что привнесенное современностью освобождение женщин изменило их положение в обществе и преобразовало отношения между полами. «Современной женщине совершенно не страшны ни голод, ни то, что она останется одна, без мужа, она, прежде всего, уверена в своем собственном труде»,¹⁴ – так она объясняла рост числа разводов и нежелание некоторых женщин вступать в брак.

Иной аспект современности выделил писатель Марлен Кораллов, знавший об особенностях мобильностей в СССР не понаслышке¹⁵. Он также отмечал перемены во взаимоотношениях между людьми, но объяснял это не «упадком нравственности» или «эмансипаторным зарядом», а динамизмом, привнесенным «нашим веком». «Войны, тюрьмы, командировки, курорты, – все это [. . .] не предрасполагает к статичности [во] взаимоотношениях»¹⁶. В рассуждениях Кораллова фокусировка на темпе времени и интенсивности контактов была призвана продемонстрировать неминуемый рост мобильности населения, делающий почти невозможным установление стабильной взаимосвязи между людьми.

Подобная трактовка встречалась и в статье-отчете по следам дискуссии за авторством члена редколлегии «ЛГ» Юрия Тимофеева. Рассматривая высказанные во время обсуждения позиции, он приводил выдержки из писем-откликов на публикацию Ректорисовой, чтобы продемонстрировать актуальность проблемы. В одной из выбранных им цитат читательница объясняет одиночество «постоянным цейтнотом», в котором находятся жители крупных городов (Тимофеев 1967). Связка между невозможностью найти партнера и условиями жизни в современном городе, таким образом, не была оригинальной находкой участников дискуссии в редакции. В 1960-е годы с современностью, хронологические рамки которой никогда не прояснялись, связывались проблемы самого разного толка, от роста автомобильного трафика (Рубинов 1975) до формирования новых литературных стилей («Гораций прав. . .» 1963) и упадка научной переписки, замененной телефонными звонками (Седов 1963). Использование популярной дискурсивной конструкции как экспертами, так и читателями «ЛГ» указывает на общность понимания пространственных и темпоральных порядков позднесоветских городов.

В ответных письмах на статью Тимофеева читатели, высказывая мнение об одиночестве, также описывали его как следствие «нашего времени», «накладывающее свою лапу абсолютно на все, даже на личную жизнь людей», а само явление

¹⁴ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 59.

¹⁵ 18 марта 1949 года Кораллов был арестован и приговорен к 25 годам лишения свободы. Срок отбывал в лагерях Майкудуке, реабилитирован в 1955 году (<https://museum.memo.ru/author/233>).

¹⁶ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 77.

называли самой «острой и больной проблемой»¹⁷. Кроме того, осмысляя личный опыт одиночества, читатели говорили о нем как о результате неуспевания или, говоря иначе, плохого тайминга, неправильных выборов. Одиноким людям советовали на нехватку времени в период учебы, нежелание отвлекаться от построения карьеры. Отдавая в молодости приоритет профессиональному развитию, они упускали возраст, который согласно бытовавшим в советском обществе представлениям о времени заключения брака полагался наиболее подходящим. Вместе с тем такое неуспевание делало недоступными для посещения привычные места знакомств. Таким образом, одиночество мыслилось как расплата за неумение соотнести время личной жизни с общественными представлениями, уложиться в отведенный срок.

В ходе обсуждения в редакции «ЛГ» и серии последовавших материалов одиночество, прежде репрезентируемое как проблема исключительно капиталистических стран, обрело пространственную и временную локализацию в рамках позднего социализма. Дальнейшая публичная дискуссия в прессе, продолжавшаяся более десяти лет, лишь закрепила спатильные и темпоральные характеристики советского одиночества. Журналисты и социологи, медики и драматурги, рассуждая о необходимых мерах поддержки одиноких людей и избавления их от гнетущего состояния, неизменно исходили из установленной смычки между городом и современностью. К началу 1980-х годов такое понимание одиночества определило ход внедрения государственных институтов помощи одиночкам. Подобное положение демонстрирует роль газеты как своеобразной точки сборки одиночества, где оно приобретало отчетливую форму. Периодика была узлом в сети, обеспечивавшим встречу экспертов, одиноких людей, союзных министров и местных руководителей. Именно газеты с проблемными статьями, короткими репортажами, а также стенограммы обсуждений в ученых советах становились местами производства знания об одиночестве. Так, продолжавшаяся в течение 1970-х годов газетная полемика развила тезис о пространственности одиночества, обнаружив его «центры».

ИГРА МАСШТАБОВ: ОТ РЕГИОНОВ К ЦЕХАМ ОДИНОЧЕСТВА

После признания за одиночеством статуса социальной проблемы в фокус внимания экспертов стали попадать различные по размерам «одиноким местам», а также организовывавшие их системы отношений. Так, в неопределенной массе «всех-современных-городов» специалистами были найдены конкретные поселения, где риск возникновения одиночества был выше. Это так называемые «мужские» и «женские» города (Володин 1970; Тимофеев 1967). Сам пространственный синтаксис таких городов нес угрозу: тесное соседство предприятий одной промышленной группы, предполагавшее гендерную однородность состава работников, вместе с их удаленностью от других производств усложняли процесс знакомства, тем самым формируя целые инфраструктурные кластеры одиночества.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1444, л. 21, 107.

Особую опасность одиночества для подобных городов распознали в первые годы дискуссии в прессе. Уже в 1971 году в № 17 «ЛГ» на 13-й полосе, целиком посвященной рубрике «Личная жизнь», была опубликована статья экономиста и демографа Виктора Переведенцева «Пора жениться, пора выходить замуж». В ней он комментировал статистику, связанную с рождаемостью, возрастом вступления в брак и разводами. Переведенцев писал о преимуществах ранних браков, называя их более устойчивыми, и предлагал целую россыпь мер по созданию благоприятной демографической обстановки: «от соответствующей практики распределения жилья, выдачи молодоженам ссуд и т. д. до определенной программы размещения производительных сил». Последнее было особенно важным, поскольку превалирование экономической рациональности при создании новых производств приводило к ситуации, когда «ткачихе из Иваново [. . .] надо было ехать выходить замуж в другой “мужской” город» (Переведенцев 1971). Предлагая учитывать социальные последствия промышленного развития, Переведенцев, как и критикуемые им градостроители, обосновывал необходимость такого подхода экономической выгодой.

Со всей отчетливостью это проявилось в его статье на ту же тему, написанной через шесть лет. В ней он рассматривал пример северных «мужских городов», описывая проблему оттока кадров. Переведенцев полагал, что не получая достойных условий для жизни, семейные квалифицированные рабочие уезжают, а на производстве остаются лишь молодые, малоопытные, несемейные, готовые ютиться в общежитиях: «А если менее квалифицированный, то и производительность его не та, да и качество работы не лучшее» (Переведенцев 1977). Предлагавшийся им подход фиксировал важное смещение в советском способе управления населением, произошедшее в послевоенный период. Провозглашенный «поворот к человеку» в политике и экономике на деле приводил к включению личной жизни граждан в плановые расчеты, а ее улучшение было способом повышения экономической эффективности. Изменение в способе управления населением также сказывалось и на характере перемещений: «буксирные» мобильности, когда за рабочей поездкой одного члена семьи следовали остальные, начинали цениться выше, чем трудовые мобильности отдельных энтузиастов. Директивное управление мобильностями заменялось «мягкой силой» стимуляций. Таким образом, «однополюсные города» как символические центры одиночества оказывались результатом прежнего способа управления и принадлежавшей ему системы мобильностей, последствия которой следовало преодолеть.

Дискурсивное «отдаление» от городов «женихов» и «невест» позволило экспертам обнаружить топологическую предрасположенность целых регионов к одиночеству. В этом контексте предметом обсуждения в центральной прессе все чаще становился Север. Когда Переведенцев фиксировал проблему «городов женихов», он концентрировался на Колыме, Чукотке и нефтяных районах Западной Сибири; в свою очередь писатель Александр Проханов в статье «Порвать с одиночеством» избрал фокусом внимания Заполярье. В переполненном цивилизаторским пафосом тексте он писал о первопроходцах и «местах пионерского освоения». Выбранные им герои забрасывались советским государством на фронтиры для

культурного освоения и присвоения новых пространств, будучи лишены даже минимальных удобств, оторваны от «большой земли» и не имея возможности устанавливать значимые контакты для образования семьи¹⁸. Одной из причин такого положения Проханов называл требуемое от них постоянное перемещение. Он предлагал создать такие типы «мобильного поселения, города или группы ячеек, в которых человек даже в медвежьем углу оставался бы окруженным, пусть в малом объеме, цивилизацией», а также изменить планирование вахт таким образом, чтобы работники могли «откочевать на время для пополнения физических и духовных сил в “базовые”, высококомфортные поселения» (Проханов 1977). В рассуждениях Проханова Север был местом колониального движения, которое было организованным и просчитанным, но в недостаточной степени, поскольку вызывало разрывы устоявшихся связей и затрудняло образование новых. Выдвигавшиеся им проекты должны были ликвидировать критическую удаленность и обеспечить первопроходцев центрами «привязки» к советской «цивилизации», дополнительно структурируя и направляя их. Обеспечение встреч из этой перспективы оказывалось частью пространственных политик освоения Севера.

Возникновение одиноких городов и регионов, по мнению части экспертов, было обусловлено профессиональным составом населявших их граждан. Помимо уже упомянутых ткачих и строителей-вахтовиков одиночеству были подвержены шахтеры и ученые, работавшие в советских «закрытых» городах и наукоградах¹⁹. О прочности установившейся связи свидетельствует реплика философа Александра Спиркина, в ту пору заведовавшего сектором диалектического материализма в Институте философии Академии Наук СССР и входившего в состав общественного совета по проблемам семьи газеты «Неделя». Спиркин утверждал, что помимо городов «женихов» и «невест» именно существование предприятий, «где работают почти одни только женщины», является недостатком демографической политики.

¹⁸ Прохановские «пионеры Севера» с особой выразительностью демонстрируют произошедшие в послевоенные годы смещения в оппозиции коллектив/индивид. Их профессия со всей отчетливостью воплотила идеал эмансипированной личности, сохраняющей почтительную дистанцию к обществу. Однако на уровне частной жизни, реабилитация которой приходится на послевоенное время, полярники-первопроходцы не были столь свободны. Холостяцкое существование порицалось, поскольку личная жизнь могла быть только семейной. Возникшее противоречие между личной автономизацией и «семейственностью» разрешалось в пользу последнего с помощью дискурса демографии, указывавшего на кризисное положение в деле разводов и рождаемости, а также представлявшим одиночное существование как невозможную, маргинальную жизненную стратегию. Такое положение обуславливало советский этакратический гендерный порядок, задававший пределы и устанавливавший барьеры для реализации тех или иных жизненных проектов (Здравомыслова и Темкина 2007:96–137). В условиях господства установки на семейственность продолжительное одинокое существование «вахтовиков» было непозволительной роскошью, наносившей ущерб всему государству.

¹⁹ Хотя центральная пресса закономерно хранила молчание относительно закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), их режимность, накладывавшая ограничения на передвижения и усложнявшая процедуру въезда и выезда, дает основание полагать, что предельная регуляция мобильности приводила к возникновению схожих проблем с образованием новых контактов. О географии и некоторых социальных особенностях ЗАТО в СССР и современной России см. Колосов и Полян (2009:32–42).

Наличие этого недочета, по его мнению, приводило к нежелательной миграции населения и «очень отрицательно сказыва[лось] на балансе трудовых ресурсов» («Демография и семья» 1978). Ему вторил театральный драматург Эдвард Радзинский (1977), ранее прямо называвший «города невест» «ткацкими центрами». Такое «приближение» и фиксация взгляда открывали анклавности одиночества даже там, где эта проблема прежде не была замечена.

К подобному выводу еще в 1976 году пришли кинематографисты Александр Менделеев и Николай Боронин – авторы документального фильма «Разрешите познакомиться» о городском одиночестве и первых попытках создания учреждений для его преодоления. В первые минуты ленты на экране возникал цех часового завода – «царство амазонок в белых халатах» (Рюриков 1977:38), – в котором трудились исключительно женщины. Голос за кадром спрашивал их о замужестве и получал ответы вроде: «нет, не замужем», «у нас мало мужчин – нет никакой возможности», «нет условий для знакомства». Шум станков сменялся мерным гулом конструкторского бюро, где среди работников были преимущественно мужчины. Тот же вопрос и те же ответы, дополненные личным рассказом: «Я раньше не задумывался над этим вопросом. Вот сейчас стукнуло 35 и уже возникают некоторые сложности. [. . .] Познакомиться сейчас не с кем, потому что с утра до вечера на работе, женщин в нашем коллективе мало, на танцы²⁰ уже не хожу»²¹.

Возникновение одиноких мест на фабриках, заводах и даже в отдельных цехах и конторах оказывалось связанным с советским гендерным порядком (Здравомыслова и Темкина 2002, 2003; Starks 2018) и делением профессий на «мужские» и «женские», что вместе с политикой послевузовского распределения приводило к ситуации, когда на одних и тех же предприятиях появлялись практически закрытые скопления работников одного пола, не пересекающиеся с остальными сотрудниками. К оппозиции города и деревни, предполагавшей разные способы движения и интенсивность встреч, таким образом, добавлялась гендерная, которая была вписана в систему мобильности, имплицитно предполагавшей различные пути и траектории движения для женщин и мужчин.

«Игра с масштабами» в текстах экспертов давала возможность распознать различные грани одиночества, увидеть его топологическую множественность. Одинокие люди проявлялись как эффекты сетей отношений, в которые были встроены места их жизнедеятельности. Выявленная экспертами гетерогенная

²⁰ Как показывает Наталия Лебина (2018:16–32), танцплощадки в парках, равно как и танцевальные вечера в дворцах культуры были основными пространствами общения мужчин и женщин. Однако для знакомства одиноких они не подходили, поскольку царивший там неформальный порядок предполагал, что возраст большей части посетителей не будет превышать 22–23 лет. Показательна цитата из письма, приведенная в том же фильме: «Мне двадцать восемь, на танцах я уже давно “старуха”». По сути, одинокие не успевали в «свое время» воспользоваться существовавшими местами установления контактов, и именно это временное «запаздывание» обнаруживало еще одну проблему позднесоветского города – отсутствие пространств неформального общения людей среднего возраста.

²¹ Николай Боронин и Александр Менделеев (реж.), «Разрешите познакомиться», Ленинградская студия кинохроники, 1976.

пространственность одиночества указала на необходимость инфраструктурных изменений, которые бы «расцепили» замкнутые круги циркуляции (как людей, так и информации), установили недостающую связность и обеспечили места встреч. Найденные в 1970-х годах практические решения проблемы одиночества формировались в этом направлении.

«ДРУГОЕ ПРОСТРАНСТВО» ВЕЧЕРОВ ЗНАКОМСТВ

В газетных дискуссиях одиночество мыслилось в первую очередь как общественная проблема, а потому требовало коллективных форм преодоления. Одну из таких форм нашли энтузиасты на местах, организуя вечера знакомств в домах культуры (ДК).

После введения в марте 1967 года пятидневной рабочей недели клубная культура переживала второе рождение. Усвоение новой ритмики требовало помощи, поскольку она предполагала перестройку привычных режимов существования, а «высвобождение» времени привело к появлению новой трудности – проблеме его заполнения. Переходившие на пятидневку предприятия расширяли загородные зоны отдыха («Официальный отдел» 1967) и проводили мероприятия для работников (*Гудок* 1967); общество «Знание» организовывало занятия в народных университетах по выходным («Знания в массы!» 1967); а на телевидении появились программы вроде «Лучший отдых в выходной день» о том, как лучше распорядиться временем (*Известия* 1967а, 1967б). ДК в этой ситуации становились организаторами свободного времени и местами притяжения скучающих горожан, в том числе одиноких²².

Свободное время представлялось одиночкам проблемным, поскольку оно интенсифицировало переживание одиночества²³. В будние дни усиление чувства одиночества происходило по вечерам, когда вопрос досуга был наиболее актуален. Характерна формулировка из письма одинокой женщины в газету: «Куда деться вечером? Одной идти в кино? Не знаю, почему-то стыдно» (Рюриков 1977:39–40). Обыденные пути «коротания вечера» вроде похода в кино оказывались неприемлемыми, поскольку сама их форма не предполагала одиночества. Ритмическая природа одиночества, заключающаяся в чередовании социальных контактов и их отсутствия, побуждала к выработке подходящего формата мероприятий, возвращавшего посетителям ДК чувство включенности в коллектив. Им стал вечер общения «Для тех, кому за 30».

²² Как замечают исследователи, переход от квартального городского планирования к микрорайонному в конце 1950-х годов сделал дома и дворцы культуры важными градостроительными элементами, в привязке к которым выстраивалась композиция микрорайонов. Такая перемена указывала на повышение значимости учреждений культуры в жизни советского человека (Ярмолич 2022).

²³ Красноречива реплика из письма в редакцию «ЛГ»: «На работе себя чувствуешь человеком, а в два выходных и. . . не знаешь куда себя деть, чем заняться»; РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1444, л. 26.

Первый подобный вечер, судя по всему, был проведен в Риге в 1974 году. Его организатором была бухгалтер республиканского Дома культуры профсоюзов Лилия Криевиня. С разрешения директора ДК она разместила объявление в общеродской вечерней газете «Rīgas Balss» (Голос Риги), в котором призвала одиноких и желающих исправить свое положение вступить в клуб «Друг» (Мушкина 1976). Такой вечер становился альтернативной формой досуга для одиноких людей и превращал ДК в место аккумуляции одиночества.

Перед посещением мероприятия участники заполняли небольшую анкету, где помимо формальных данных указывали отношение к музыке, танцам, спорту, туризму, чертам характера, как выражались организаторы, «будущего друга», а также цели вступления в клуб. Предлагаемые анкеты были способом типизации участников вечера для их последующего распределения по секциям. В ходе общения 300 одиноких людей разбили на секции музыки, литературы, туризма, фотографии, изобразительного искусства. Последующие встречи проходили раз в неделю (Рубинов 1986:56).

Устроители вечеров «Для тех, кому за 30» исходили из того, что в хаотичном мире, полном множества случайностей, одиноким людям просто не хватает места, где они могли бы встретить тех, кто их заинтересует. Организовав такое пространство, сотрудники ДК создавали новый элемент на карте города, вносящий изменения в сеть конституирующих одиночество отношений. В этом центре борьбы с одиночеством человеческие контакты оптимизировались путем установления их частоты и интенсивности, что позволяло клубным работникам умеренно модерировать создание связей.

Масштабирование рижского опыта случилось напрямую благодаря мобильности идей. Публикации о нем во всесоюзной прессе сделали возможным социокультурный трансфер в другие города и республики. Наиболее заметным стал результат освоения новой формы в ленинградском ДК им. Ленсовета. Как в случае любого перемещения идей и практик, оно было сопряжено с рядом семантических и пространственных «смещений»: участники заполняли анкету, но на сей раз анонимную, что свидетельствовало о выборе в пользу группировки по половому признаку (Дашкевич 1975б); вводилась плата за посещение, позволявшая защитить пришедших от лишнего внимания и отсеять «просто любопытствующих»; появилась программа, задававшая последовательность всему вечеру; а наличие ведущего, запрещавшего выбирать одних и тех же партнеров для конкурсов и танцев, позволяло управлять не только расположением участников, но и их контактами²⁴.

Участники ленинградских вечеров не были предоставлены себе в комфортном пространстве совместного досуга – они становились частью централизованного мероприятия. Если в рижском клубе «Друг» основным ресурсом для знакомств было непринужденное общение, то в Ленинграде организация тел в пространстве и образование контактов были отданы внешнему управлению. Расстановка столов, отдаленность сцены с ведущим и выступающими, а также рассадка посетителей должны были образовать такую социальную конфигурацию, в ко-

²⁴ ЦГАЛИ, ф. 345, оп. 6, д. 124, л. 24.

торой знакомство и общение завязывались бы сами собой. Однако решение этой топологической задачи работникам ДК часто не давалось.

Выработанный в ДК им. Ленсовета формат приобрел популярность «не только в Ленинграде»²⁵, но также в Москве, Куйбышеве, Днепропетровске и других городах (Дашкевич 1975а). Для того было несколько причин. Во-первых, организованные ленинградским клубом вечера походили на привычные мероприятия, проводившиеся в ДК, и активнее вовлекали участников в процесс формирования новых контактов. Во-вторых, коммерциализация вечеров становилась одной из статей дохода не очень богатых учреждений культуры. В-третьих, такая организационная форма с заготовленной программой позволяла администрации управлять процессами без создания советов клуба и постоянного членского состава, выступая инициаторами и дирижерами знакомств. Это меняло характер связности, но также делало мероприятия открытыми всякому, кто готов внести входную плату. Обсуждаемый формат был лишен открытых притязаний на роль «коллективной свахи». Тем не менее, до появления альтернативных форм избавления от одиночества в виде служб знакомств вечера «Для тех, кому за. . .» оставались непрямой, но базовой формой «живого» знакомства жителей больших городов.

Мишель Фуко использовал концепт «других пространств» (или гетеротопий), чтобы зафиксировать гетерогенность пространства, сформированную различными отношениями власти, и наличие в нем местоположений, в которых привычный порядок действия перестает функционировать, оспаривается и переворачивается, а время изменяет свой ход. Эти места вписаны в существующие конкретные общественные институты, но служат «своего рода “контрместоположениями”, [. . .] в которых реальные местоположения, все остальные реальные местоположения, какие можно найти в рамках культуры, сразу и представляются, и оспариваются» (Фуко [1984] 2006:196). Вечера «Для тех, кому за 30» были гетеротопиями в том смысле, что, снимая существующие в советском обществе коммуникационные барьеры, они одновременно демонстрировали их наличие. Вечера становились пространствами дополнительной свободы только потому, что в качестве местоположений они противопоставлялись уже имевшимся местам контактов.

Наконец, обсуждаемые вечера были попыткой создания мест встреч путем использования старых клубных средств. Последние должны были помогать ставить динамичное движение города на паузу, преобразаясь в своеобразные оазисы, где отсутствовали дисбалансы, а столкновения оборачивались контактами. Проведение таких вечеров преобразовывало предназначенное для массового досуга внутреннее пространство ДК в места знакомств и решения индивидуальных проблем – конечно, со своими особыми порядками. Переход коридоров и залов домов культур на время вечеров в статус «других пространств» встраивал их в траектории одиночек, исключая другие виды мобильностей²⁶ и изменяя устоявши-

²⁵ Такой формулировкой в планах и отчетах пользовался директор ДК вплоть до 1982 года, когда подобные вечера стали повсеместным явлением; ЦГАЛИ, ф. 345, оп. 3, д. 266, л. 13.

²⁶ Так, к примеру, на вечера не допускались «командированные», подробнее см. Русакова (1983).

еся правила и нормы поведения²⁷. Вечера также изменяли социальную топологию домов культуры, которые из центров культурного отдыха и образования, обслуживающих все население районов, где они располагались, трансформировались в агрегатор одиночества, связывавший разрозненные «одинокое места» и обитающих в них одиночек.

СПРАШИВАЙТЕ В КИОСКАХ: БРАЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

В начале 1970-х годов в Новосибирске был организован заочный клуб знакомств «Дружба». В отличие от вечеров в ДК, куда одиночки приходили самостоятельно, в клуб «Дружба» поступали их письма, которые в Новосибирск пересылали «ЛГ», «Комсомольская правда» и местная пресса. Желавшие познакомиться направляли свою анкету и указывали предпочтительные качества партнера, работники клуба подбирали несколько вариантов и только после согласия обеих сторон на знакомство сообщали адрес – так завязывалась переписка. «Но бумагой дело не ограничивалось – некоторые члены клуба предпринимали далекие путешествия, чтобы встретиться со своими новыми знакомыми. Во всяком случае, нам известны такие поездки из Одессы в Ленинград, из Тулы – в Новосибирск», – писал сотрудник клуба в 1976 году (Малиновский 1976). Клуб в данном случае был медиатором в сети дистанционного знакомства, опосредованного анкетами и письмами. Обмен корреспонденцией и общение через посредника приводили к реальным перемещениям и встречам лицом к лицу.

Такой же принцип установления контактов был и у брачных объявлений, старт массовой печати которых пришелся на начало 1980-х годов. Жители послевоенного СССР знали об этой форме только из критических статей о нравах капиталистического мира. Там такие объявления фигурировали как еще один показатель общего морального упадка, приводившего к тому, что даже любовные отношения становились товаром и способом «поправить» свое финансовое положение. Воплощавшие в концентрированном виде пороки «мира наживы и чистогана», объявления о знакомствах не могли быть перенесены в неизменном виде на советскую почву. Воспроизведение зарубежного опыта требовало его идеологической нейтрализации и технической корректировки самой формы²⁸.

²⁷ Журналистка «Советской культуры» Наталья Русакова (1983), описывая собственный опыт участия в вечере, когда подошедший познакомиться мужчина стал расспрашивать ее о зарплате, наличии детей и районе проживания, заключала: «Наверное, нигде – ни в ресторане, ни на вечеринке у знакомых, ни в турпоездке – этот человек не посмел бы подойти к незнакомой женщине с таким вопросом. Здесь же это было в порядке вещей». Это неприемлемое в повседневной жизни, но допустимое в рамках вечера поведение было следствием происшедшего на вечерах «слома» социальных порядков, который, с одной стороны, опрокидывал символические условности, тем самым облегчая знакомство, а с другой – обнажал прагматическую реификацию личных контактов.

²⁸ В Советском Союзе одомашнивание объявлений происходило в несколько этапов в разных местах, география которых дополнительно открывает конституцию центров борьбы с одиночеством (Кулагин 2023).

Сторонники скорейшего внедрения объявлений для помощи советским одиночкам предпринимали попытки дискурсивно «обезопасить» практику через апелляцию к ее присутствию в социалистическом пространстве стран Восточной Европы. Больше всего внимания авторы направляли в сторону ГДР. В письмах скептику Тимофееву, присланных после его вышеупомянутой статьи, читатели делали переводы немецких объявлений, прикладывали к ним вырезки из газет²⁹, стараясь продемонстрировать их безвредность и даже полезность, а сотрудник «ЛГ» Анатолий Рубинов даже съездил в командировку в Восточную Германию. В статье-отчете он представил работу местного рекламного агентства «Деваг» (Deutsche Werbe- und Anzeigengesellschaft, DEWAG), печатавшего в прессе объявления одиноких, тем самым показав безобидность этой социальной технологии (Рубинов 1970а). Серия перемещений (иностранных текстов и журналистов) сама по себе устанавливала связь стран и открывала сходство гэдээровского и советского контекстов, тем самым становясь дополнительным аргументом в пользу размещения объявлений в периодике СССР.

Массовая публикация объявлений началась только после нескольких экспериментальных проб. Модифицировать жанр пытался литературно-политический журнал «Урал». В 1976 году там появилась рубрика «Служба доброго знакомства», в которой размещались тексты, мало походившие на краткие заграничные образцы (Урал 1976). Это было результатом стремления преодолеть критикуемую лапидарность иностранных объявлений за счет нарративизации и введения соответствующих пунктов, о которых следовало писать, вроде рассказа о становлении одиноким. И все же адаптированный вариант уступил заимствованному. Успех последнего как средства преодоления одиночества показывал опыт литовского семейного журнала «Šeima» (Семья), опубликовавшего в марте 1978 года первую подборку объявлений (Кейдошюс 1979). Когда рубрика стала регулярной, поток писем в редакцию стал настолько большим, что журналу пришлось на втором году прекратить эксперимент. Однако к тому моменту их действенность и коммерческая рентабельность (объявления приносили изданию 50 тысяч рублей ежегодно) стали очевидны многим. Первой в череде продолжателей «дела “Шеймы”» стала газета «Rīgas Balss» из соседней Латвийской ССР.

Эта вечерняя газета была совместным печатным органом Рижского и Юрмальского горкомов и горсоветов. Городские вечерние газеты существовали еще в раннем СССР³⁰, но широкое распространение получили только в послевоенный период. Возникшая в октябре 1957 года «Rīgas Balss» была в их числе. Обсуждаемый тип издания отличался обилием иллюстраций, разнообразием используемых гарнитур, приемов оформления и жанрового наполнения. Содержание таких газет охватывало (и конструировало) повседневный мир советского горожанина.

На заключительных страницах «вечерок» также публиковали объявления расположенных в городе учебных заведений о начале приемной кампании, заводов и комбинатов о новой продукции, а также простых граждан об обмене квартир, купле-

²⁹ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1444, л. 27об., 95.

³⁰ Например, «Вечерняя Москва» издавалась с 1923 года.

продаже различной утвари. Со временем печатных площадей для размещения объявлений от всех желающих начинало не хватать, поэтому вечерние газеты стали выпускать рекламные приложения. Именно в приложении, озаглавленном «*Reklāmas pielikums*» (Рекламная вкладка), после небольшой дискуссии на тему необходимости государственных мер помощи одиноким (*Piņas Balss* 1980а, 1980б, 1980в, 1980г) рижская газета разместила объявления о знакомствах.

Эти объявления печатались на внутренних полосах и соседствовали с сообщениями на другие темы. От прочих их отличало клишированное название рубрики «Знакомство», набранное на двух языках. Под одним заголовком, написанным на латышском, помещались объявления латышей из разных городов ЛССР от Риги и Юрмалы до Гробини и Цесиса, под другим, написанном на русском, – объявления со всех концов страны. Таким образом, газета двукратно выступала центром концентрации одиночества, компактно агрегируя латышское, тем самым повышая возможность контакта, и всесоюзное, организуя соседство объявлений из Кишинева и Ворошиловграда, Москвы и Темиртау.

Широкая географическая представленность, возможно, была связана с первенством приложения, принесшим ему известность за пределами круга одиноких. Характерен эпизод, сохранившийся в дневнике биолога Сергея Гроховского, когда, получив завернутую в рижскую газету рыбу из Карелии, газету решили сохранить, «чтобы почитать брачные объявления»³¹. Позже ее отдали проводнице – «она ее изучала долго и вдумчиво»³². Такое «нецелевое» использование добавляло газете популярности и утверждало за ней лидерскую позицию в борьбе с одиночеством, а за Прибалтикой – статус передового региона, где куются решения насущной проблемы.

На протяжении 1980-х годов рижский почин постепенно подхватывали «вечерки» разных городов, публикуя брачные объявления в своих рекламных приложениях, а также местные комсомольские издания. Как и «*Reklāmas pielikums*», вечерние газеты становились центрами аккумуляции одиночества, но уже республиканского или даже меньшего масштаба. Так, в «Вечернюю Алма-Ату» писали, к примеру, из Джамбула и Гурьева (*Вечерняя Алма-Ата. Реклама* 1985), в «Днепровскую неделю» – из Днепродзержинска и Павлограда (*Днепровская неделя* 1986), в «Новгородский комсомолец» – из городков области (*Новгородский комсомолец* 1989). В результате на карте советского одиночества возникали новые точки локализации.

Посредническая роль газет влияла на движение объявлений и проходивших через них писем одиноких друг другу. Поступавшие от читателей объявления подвергались редактуре и сокращению, что обуславливалось типографской рациональностью, и обратный адрес мог исчезать из опубликованного текста. Ответные письма могли вскрываться – необходимость такой меры объясняли желанием обезопасить получателя от негативных и оскорбительных откликов (Егин 1988). В случае сотрудничества газеты и службы знакомств отклики на объявления пере-

³¹ Сергей Гроховский, Дневник, 31 июля 1983 г., <https://corpus.prozhito.org/note/520523>.

³² Сергей Гроховский, Дневник, 1 августа 1983 г., <https://corpus.prozhito.org/note/520524>.

направлялись в последнюю. Работавшие в этих учреждениях психологи могли знакомиться с ними, отбирая наиболее подходящих, на их взгляд, кандидатов. Траектория перемещения, таким образом, подвергалась влиянию медиатора, а процесс налаживания контакта дополнительно экспертно модерировался. Если же газета публиковала объявления напрямую, то в текстах авторы сами оговаривали условия успешной встречи, используя формулы вроде «гарантирую ответ на письмо с фотографией», «отвечу на откровенное письмо», «жду подробное письмо или номер телефона». В ситуациях, когда место общения лицом к лицу занимала переписка, а движение тел – движение писем, детализация требований устраняла бесплодные передвижения и увеличивала шанс успешной встречи.

На превращение газетных страниц в экраны, на которых дотоле малозаметное одиночество обретало видимость, повлияло, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, повышение внимания к письмам читателей со стороны журналистов, произошедшее в период оттепели (Huxtable 2022:93–157; Wolfe 2005:33–70), а во-вторых, ускорение почтовой пересылки после добавления адресного кода на конверты и автоматизации труда путем внедрения специальных сортировочных машин («Долгими почтовыми путями» 1970; Рубинов 1967, 1970б, 1971). Следствием новаций стало учащение присутствия читателей на страницах, появление ориентированных на аудиторию тем, а также общее увеличение потока корреспонденции, быстрее достигавшей редакции и не терявшей актуальность. Отчасти благодаря этому публикация объявлений стала возможной, а возросшая скорость движения информации сближала разбросанных по СССР одиночек.

КАРТОЧКИ ВСТРЕЧАЮТСЯ: СЛУЖБЫ ЗНАКОМСТВ

Службы знакомств представляли собой гетерогенный ансамбль, совмещавший уже существовавшие технологии преодоления одиночества с техническими решениями, бытовавшими в других сферах.

Официальные службы знакомств стали возникать на излете 1970-х годов. В Москве за их организацию взялся отдел по вопросам семьи и брака Моссовета. Неопределенный статус одиночества, блуждавшего в диапазоне от медицинской патологии до «сбоя» в функционировании повседневности, затруднял институциональную привязку специализированных учреждений. Ориентируясь на распространенные вечера «Для тех, кому за 30», службы знакомств часто создавали при ДК, планируя в перспективе выделить отдельное помещение. Так, из двенадцати действовавших к апрелю 1980 года столичных служб к домам культуры были прикреплены пять (*Вечерняя Москва* 1979, 1980). Эта локализация приводила к использованию в учреждениях нового типа таких хорошо отлаженных форм работы, как вечера общения, на практике проводившихся в службах знакомств исключительно для абонентов одного возраста или тех, кто потенциально мог друг другу подойти. Подобная смена принципа подбора по сравнению с аналогичными вечерами в ДК, где для получения доступа к пространству знакомства достаточно было не состоять в браке и купить входной билет, практиковалась в случае вечеров в службах знакомств для повышения эффективности установления контактов.

Базой для службы знакомств могли стать медицинские консультации «Семья и брак» или психотерапевтические кабинеты, как в случае с «Экспериментальной службой организации брака “Трехгорки”» при психотерапевтическом кабинете московского комбината «Трехгорная мануфактура» (*Советская культура* 1989). Альянс медицинских учреждений со службами знакомств пополнял арсенал последних просветительскими лекциями, психологическими тренингами³³, коллективными и индивидуальными консультациями, целью которых было развитие коммуникативных навыков и умений, что, по идее организаторов, должно было облегчить установление желаемых связей и повысить эффективность встреч.

Разная институциональная принадлежность приводила к различным наборам используемых инструментов и методов помощи одиноким. Привести работу и организацию бюро знакомств к общему знаменателю попытались в 1984 году, когда приказом министра бытового обслуживания населения РСФСР Ивана Дуденкова было принято «Положение о службе знакомств». Этот документ не только делал службу знакомств одним из сервисов, предоставляемых в домах быта (после выхода приказа они расположились там), но и определял организационно-инфраструктурные требования, регулировал перечень и правила предоставления услуг. Так, каждая служба должна была располагать: приемной, где происходила первичная регистрация посетителей; отдельными кабинетами сотрудников, в числе которых могли быть психологи, сексопатологи и юристы, предоставлявшие консультации; «большой» и «малой» гостинными комнатами для проведения вечеров общения и групповых тренингов; а также картотекой, хранившей архив карточек-досье зарегистрированных абонентов. В условиях, когда действующие службы знакомств ютились в тесных подвалах и подсобных помещениях, выполнение этих рекомендаций выглядело недостижимой утопией (Комарова 1988).

В службах могли отсутствовать гостинные и даже кабинеты работников, но не картотека. Именно она была устойчивым ядром любого отделения. Получение доступа к ней, возможность поиска по заданным параметрам были одной из двух основных услуг, предлагаемых клиентам, наравне с помощью в составлении и публикации объявления в газете. Картотека состояла из карточек, которые при первом посещении абоненты заполняли совместно с психологом, корректировавшим личностные оценки и дополнявшим полученные сведения собственными впечатлениями о клиенте. Службы знакомств, таким образом, становились репозиториями одиночества, фиксировавшими и классифицировавшими его виды, используя экспертное знание. Они накапливали данные, использование которых могло помочь встрече одиноких, создавая тем самым замедлявшие потоки информации «информационные запруды».

Оптимизировать работу служб знакомств с самого начала предлагалось через внедрение ЭВМ, поскольку «в век кибернетики, автоматизации производства»³⁴ применение вычислительных машин позволит быстро подобрать наиболее подходя-

³³ Для становления метода социально-психологического тренинга в СССР службы знакомств были одной из экспериментальных площадок (Cohen 2015).

³⁴ РГАЛИ, ф. 634, оп. 5, д. 1329, л. 23.

щего кандидата. Высокий темп современности путем использования новейшей техники предполагалось задействовать для устранения возникающих из-за него «разрывов». «Время века» планировалось подчинить вполне прагматичным целям скоростной обработки информации и составлению прогнозов. По своей сути, такие службы должны были подбирать партнера так, чтобы предотвратить в будущем развод и новое одиночество. Иными словами, сама технология их работы была направлена на своеобразный «обман будущего».

В деятельности служб знакомств по обеспечению связности одиноких важную роль, помимо выработанных советскими «науками о человеке» практик и социотехнического воображаемого эпохи, играл стационарный телефон. По словам информантки³⁵, трудившейся в одной из региональных служб знакомств в 1980-е годы, с его помощью персонально приглашали на вечера знакомств, а в случае взаимного интереса абонентов один из них получал право позвонить другому для организации встречи, часто проходившей в специальном помещении той же службы знакомств. Использование этого способа коммуникации, усилившего во времена Никиты Хрущева связь с физической мобильностью³⁶, еще раз указывало, с одной стороны, на городскую прописку одиночества, а с другой – на индивидуацию управления и установления контакта.

Все тот же телефон мог использоваться для личных консультаций в «экстренных случаях». Первоначально предназначенный для помощи суицидентам, «волшебный»³⁷ телефон доверия стал применяться в службах знакомств не только для квалифицированных психологических бесед с одиночками, но и для ремонта «поломок» в уже сложившихся союзах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обнаружение в СССР социальной проблемы одиночества, прежде описываемой советскими журналистами как атрибут исключительно капиталистических стран, потребовало объяснения, почему в социалистическом государстве, выстроенном на принципах коллективизма, люди массово страдают от невозможности найти пару и завести семью. Привлеченные для определения причин роста числа одиноких граждан эксперты предлагали разные трактовки. Тем не менее, общим местом в публичных рассуждениях о происхождении одиночества в Советском Союзе была разделяемая всеми диспутантами убежденность в пространственности этого феномена.

³⁵ Интервью с Е. А., 20 мая 2023 г., Ростов-на-Дону.

³⁶ С распространением телефонных аппаратов у советских граждан появилась возможность не только спонтанно договариваться о встречах, но и, к примеру, заказывать по телефону билеты на поезд. Телефонная связь интенсифицировала коммуникацию между людьми и стала одним из факторов, провоцировавших большую мобильность населения (Zakharova 2014:29, 31, 40).

³⁷ Таким определением его наградила советский поэт Евгений Долматовский в стихотворении «Телефон доверия», написанном в декабре 1983. См. РГАЛИ, ф. 1864, оп. 2, д. 56, л. 7.

Одни связывали возникновение одиночества с устройством и стилем жизни послевоенных городов. Высокий темп жизни предполагал новую городскую культуру общения с ее «маленькими разговорами», случавшимися «на бегу» или в моменты остановки и корректировки маршрута. Он же приводил к бесконечной спешке и ограничению значимых контактов узким кругом коллег. Другие говорили о пространственных логиках советского промышленного производства, приводивших к образованию «городов невест» и «городов женихов». Третьи же обращали внимание на способы освоения Севера и Сибири, делавших тесные контакты практически недоступными первопроходцам. Однако как бы ни вычерчивали карту одиночества, где бы ни находили ему приюта, конкретная локализованность всегда была обусловлена определенным типом встроенности этих мест в сети социальных отношений. Одиночество же было результатом его издержек.

Сопряженные с местами временные порядки рассматривались как стимулирующие одиночество. Таймфреймы «современности», «нашего века» и даже рабочей недели не способствовали повышению связности, задавая ритм жизни, следование которому нередко оборачивалось, пускай и временными, изоляцией и дефицитом социальных связей. При этом выпадение из темпоральных режимов не гарантировало частых и глубоких знакомств, а напротив увеличивало риск одиночества, как это происходило с теми, кто между личной жизнью и карьерой выбирал последнюю, или с теми, кто свободное время предпочитал проводить в уединении.

Долгожданная встреча, обещавшая выход из одиночества, должна была обеспечить идеальное совпадение места и времени для двоих ищущих. Рассчитывать на счастливый случай не приходилось. В период научно-технической революции, когда с помощью точных вычислений для любой проблемы находилось оптимальное решение, для организации столь значимого с точки зрения демографической политики контакта привлекались ресурсы сразу нескольких научных дисциплин и широкий спектр практических знаний. Место и время встречи планировалось предоставить путем организации регулярных вечеров общения «Для тех, кому за 30», печати в прессе брачных объявлений со всего Советского Союза, а также создания специализированных служб знакомств. Подготовленные экспертами и выработанные энтузиастами механизмы организации встреч представляли собой машины координации, отлаженные таким образом, чтобы усиливать значимость межличностного взаимодействия путем динамичной навигации и технического «замедления» социальности.

Открытие одиночества в качестве социальной проблемы в СССР, изобретение решений для его преодоления были результатами культурного и технологического трансферов. Прямое заимствование и адаптация зарубежного опыта стали возможными благодаря идеологической близости стран-поставщиков и налаженным каналам обмена идеями и технологиями. Как в Чехословакии, так и в ГДР проблематизация одиночества происходила в рамках семейного дискурса, то есть одиночество понималось как отсутствие романтического партнера или супруга. В Советском Союзе такое определение также стало главенствующим.

Примечательно, что обнаружение проблемы, равно как и стремительное развитие специализированной индустрии знакомств происходили в социалистических и капиталистических обществах практически одновременно³⁸. Тем не менее, отвечая на одинаковые модернизационные вызовы, они находили разные практические решения. Даже казавшаяся универсальной форма знакомства через брачные объявления претерпела серию изменений, прежде чем появиться в социалистической печати. Кроме того, внутри соцблока этот процесс также не был однородным. Если в ЧССР и Восточной Германии появление объявлений и брачных бюро обозначалось как возвращение с поправкой на социалистическую мораль хорошо известных практик, то в СССР такой традиции не было.

Само открытие проблемы одиночества и изобретение средств его преодоления маркируют вступление советского общества в позднюю современность. В дискуссиях о причинах одиночества одним из центральных лейтмотивов была рефлексия советского проекта в целом. Превалировавшая в прошлом ориентация на экономическую рациональность в принятии решений, главенство мобилизационных методов для достижения государственных целей назывались экспертами среди причин современных проблем. Споры об одиночестве стали местом своеобразного переосмысления недавнего прошлого. Предпринятые для борьбы с одиночеством меры, с одной стороны, своими масштабами продолжали логику массовой помощи, попутно формируя коллективную идентичность одиноких³⁹, а с другой – предполагали внимание к отдельной личности, ориентацию на потребности и запросы конкретного человека. Меры, призванные залатать прорехи в социальной ткани позднего социализма и обеспечить встречу двух одиноких, вместе с тем за счет личностных анкет, персональных психологических консультаций и тренингов способствовали возникновению новых советских субъектов, переопределивших свои отношения с коллективами и подготовленных к новой усложнившейся социальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, Михаил. 1975. «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике». С. 234–407 в *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература.
- Бикбов, Александр. 2014. *Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Болдырев, Владимир. 1974. *Итоги переписи населения СССР*. М.: Статистика.
- Винсент, Дэвид. (2015) 2022. *История одиночества*. М.: Новое литературное обозрение.
- Гофман, Эрвин. (1967) 2009. «Смущение и социальная организация». С. 120–137 в *Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу*, под ред. Нины Богомоловой и Дмитрия Леонтьева. М.: Смысл.
- Дюркгейм, Эмиль. (1897) 1994. *Самоубийство: социологический этюд*. М.: Мысль.

³⁸ Хотя, например, в США и Великобритании «клубы одиноких сердец» и практика печати брачных объявлений в газетах имели почти вековую историю, бум их развития пришелся на 1960–1970-е годы (Strimpel 2020:2).

³⁹ На это указывает периодическое использование местоимения «нам», замещавшее «одиноким людям» в письмах в газету.

- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2002. «Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе». С. 432–351 в *О муже(Н)ственности: сборник статей*, сост. Сергей Ушакин. М.: Новое литературное обозрение.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2003. «Государственное конструирование гендера в советском обществе». *Журнал исследований социальной политики* 1(3/4):299–322.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2007. «Советский этакратический гендерный порядок». С. 96–137 в *Российский гендерный порядок: социологический подход*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Зиммель, Георг. 2002. «Большие города и духовная жизнь». *Логос* 3:1–12.
- Кляйненберг, Эрик. (2012) 2014. *Жизнь соло: новая социальная реальность*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Колосов, Владимир и Павел Полян. 2009. «Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней». С. 25–48 в *Режимные люди в СССР*, под отв. ред. Тамары Кондратьевой и Андрея Соколова. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина.
- Кулагин, Михаил. 2023. «Предчувствие знакомства: социалистическая настройка пробных брачных объявлений в советской печати 1970-х гг.». *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований* 8(4):162–193.
- Кулагин, Михаил. 2024. «Изобретение одиночества в позднем СССР: к истории одной дискуссии». *Вестник Пермского университета. История* 4(67):183–195. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-183-195>.
- Лебина, Наталья. 2018. *Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель*. М.: Новое литературное обозрение.
- Переведенцев, Виктор. 1972. *Население СССР*. М.: б. и.
- Пинский, Анатолий. 2018. «Предисловие». С. 9–38 в *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985): сборник статей*, под ред. Анатолия Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Разувалова, Анна. 2015. *Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов*. М.: Новое литературное обозрение.
- Рубинов, Анатолий. 1975. *Отчего горожанину некогда*. М.: Советская Россия.
- Рубинов, Анатолий. 1986. *Семья, одиночество, любовь*. М.: Советская Россия.
- Сакс, Харви, Эммануил Щеглофф и Гейл Джефферсон. (1974) 2015. «Простейшая систематика организации очередности в разговоре». *Социологическое обозрение* 14(1):142–202.
- Урри, Джон. (2007) 2012. *Мобильности*. М.: Праксис.
- Фуко, Мишель. (1969) 2004. *Археология знания*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга.
- Фуко, Мишель. (1984) 2006. «Другие места». С. 191–204 в *Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью*, под общ. ред. Валерия Большакова, ч. 3. М.: Праксис.
- Фюрст, Юлиане. 2023. *Цветы, пробившие асфальт. Путешествие в советскую Хиппляндию*. М.: Новое литературное обозрение.
- Хархордин, Олег. 2021. *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Юрчак, Алексей. (2005) 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ярмолич, Федор. 2022. «Клубные учреждения в городском пространстве Ленинграда (1950–1960-е годы)». *Технологос* 4:131–140. <http://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.4.11>.
- Alberti, Fay Bound. 2019. *A Biography of Loneliness: The History of an Emotion*. Oxford: Oxford University Press.
- Chudacoff, Howard. 2020. *The Age of the Bachelor: Creating an American Subculture*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Cocks, Harry. 2009. *Classified: The Secret History of the Personal Column*. London: Arrow Books.
- Cohen, Susanne. 2015. "Humanizing Soviet Communication: Social-Psychological Training in the Late Socialist Period." *Slavic Review* 74(3):439–463. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.74.3.439>.
- Dumm, Thomas. 2008. *Loneliness as a Way of Life*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Häberlen, Joachim C. 2021. "Feeling at Home in Lonely Cities: An Emotional History of the West German Urban Commune Movement During the Long 1970s." *Urban History* 48(1):143–161. <https://doi.org/10.1017/S0963926819000841>.
- Huxtable, Simon. 2013. "In Search of the Soviet Reader: The Kosygin Reforms, Sociology, and Changing Concepts of Soviet Society, 1964–1970." *Cahiers du monde russe* 54(3/4): 623–642.
- Huxtable, Simon. 2022. *News from Moscow: Soviet Journalism and the Limits of Postwar Reform*. Oxford: Oxford University Press.
- Ismail, Ali Adam, Nsilulu Tresor Mbungu, A. Elnady, Ramesh C. Bansal, Abdul-Kadir Hamid, and Mohammad AlShabi. 2022. "Impact of Electric Vehicles on Smart Grid and Future Predictions: A Survey." *International Journal of Modelling and Simulation* 43(6):1041–1057. <https://doi.org/10.1080/02286203.2022.2148180>.
- Kurg, Andres. 2019. "Free Communication: From Soviet Future Cities to Kitchen Conversations." *Journal of Architecture* 24(5):676–698. <https://doi.org/10.1080/13602365.2019.1670230>.
- Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. 2001. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Rosa, Hartmut. 2013. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Snell, Keith David Malcolm. 2017. "The Rise of Living Alone and Loneliness in History." *Social History* 42(1):2–28. <https://doi.org/10.1080/03071022.2017.1256093>.
- Soliz, Aryana. 2021. "Gender and Cycling: Reconsidering the Links Through a Reconstructive Approach to Mexican History." *Mobilities* 17(6):814–835. <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1939109>.
- Starks, Tricia. 2018. "'Save the Men!' Demographic Decline and the Public Response in the Late Soviet Period." *Sibirica* 17(2):85–93. <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170206>.
- Strimpel, Zoe. 2020. *Seeking Love in Modern Britain: Gender, Dating and the Rise of "the Single"*. London: Bloomsbury Academic.
- Strimpel, Zoe. 2023. "In Solitary Pursuit: Loneliness and the Quest for Love in Modern Britain." Pp. 149–161 in *The Routledge History of Loneliness*, edited by Katie Barclay, Elaine Chalus, and Deborah Simonton. Abingdon, UK: Routledge.
- Wolfe, Thomas. 2005. *Governing Soviet Journalism: The Press and the Socialist Person After Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
- Zakharova, Larissa. 2014. "Communication, Mobility and Control in the Soviet Union After World War II." Pp. 23–44 in *Mobilities in Socialist and Post-Socialist States: Societies on the Move*, edited by Kathy Burrell and Kathrin Hörschelmann. New York: Palgrave Macmillan.

ИСТОЧНИКИ ИЗ ПРЕССЫ

- Вечерняя Алма-Ата. Реклама*. 1985. 24 сентября, 3.
- Вечерняя Москва*. 1979. 18 июля, 2.
- Вечерняя Москва*. 1980. 16 апреля, 2.
- Володин, Александр. 1970. «Ты тоже где-нибудь один». *Литературная газета*, 18 февраля, 13.
- «Гораций прав. . .». 1963. *Литературная газета*, 2 марта, 2.
- Гудок*. 1967. 30 декабря, 1.
- Дашкевич, Н. 1975а. «Доброму делу – зеленую улицу!». *Советская культура*, 6 июня, 6.
- Дашкевич, Н. 1975б. «Если вам за тридцать. . .». *Советская культура*, 21 февраля, 6.
- «Демография и семья. Репортаж с заседания общественного совета "Неделя"». 1978. *Неделя*, 25 декабря, 17.

- Днепровская неделя*. 1986. 5 января, 1.
 «Долгими почтовыми путями». 1970. *Литературная газета*, 18 марта, 13.
 «Знания в массы!». 1967. *Правда*, 25 декабря, 3.
 Егин, Ю. 1988. «Счастье есть дело двоих». *Правда*, 14 января, 6.
Известия. 1967а. 22 декабря, 6.
Известия. 1967б. 23 декабря, 6.
 Кейдошюс, Пятрес. 1979. «Знакомство по объявлению». *Литературная газета*, 9 мая, 12.
 Комарова Г. 1988. «Служба. . . Афродиты». *Правда*, 4 августа, 6.
 Малиновский Л. 1976. «Заочный клуб “Дружба”». *Литературная газета*, 22 декабря, 13.
 Мушкина, Елена. 1976. «“Друг” приглашает друзей. “Для тех, кому за 30” – такие вечера проводятся в Риге». *Неделя*, 30 августа, 14.
Новгородский комсомолец. 1989. 5 февраля, 15.
 «Официальный отдел. О заключении коллективных договоров». 1967. *Гудок*, 28 декабря, 2.
 Пекелис, Виктор. 1969. «Советчик в любви». *Литературная газета*, 22 октября, 12–13.
 Переведенцев, Виктор. 1971. «Пора жениться, пора выходить замуж». *Литературная газета*, 28 февраля, 13.
 Переведенцев, Виктор. 1977. «Города женихов». *Литературная газета*, 16 февраля, 13.
 Проханов, Александр. 1977. «Порвать с одиночеством». *Литературная газета*, 9 февраля, 12.
 Радзинский, Эдвард. 1977. «Разные лики одиночества». *Литературная газета*, 12 января, 13.
 Ректорисова, Мирослава. 1967. «Средство против одиночества?». *Литературная газета*, 7 июня, 13.
Ригас Балсс. 1980а. 19 января, 4–5.
Ригас Балсс. 1980б. 13 февраля, 4.
Ригас Балсс. 1980в. 12 марта, 5.
Ригас Балсс. 1980г. 5 апреля, 5.
 Рубинов, Анатолий. 1967. «Письма едут с бубенцами». *Литературная газета*, 7 июня, 13.
 Рубинов, Анатолий. 1970а. «Любовь по объявлению?». *Литературная газета*, 20 мая, 13.
 Рубинов, Анатолий. 1970б. «Операция “Меченные атомы”». *Литературная газета*, 4 февраля, 12.
 Рубинов, Анатолий. 1971. «Операция “Меченные атомы-2”». *Литературная газета*, 2 февраля, 12.
 Русакова, Наталья. 1983. «Командировка в клуб знакомств». *Советская культура*, 19 ноября, 6.
 Рюриков, Юрий. 1970. «Зло или избавление от зла». *Литературная газета*, 21 января, 13.
 Рюриков, Юрий. 1977. «Эвристики без Орфеев». *Искусство кино*, 37–40.
 Седов, Леонид. 1963. «Научная критика и ответственность ученых». *Правда*, 18 июня, 4.
Советская культура. 1989. 19 августа, 11.
 Соловьев, Н. 1968. «Развод. Почему?». *Литературная газета*, 16 октября, 13.
 Тимофеев, Юрий. 1967. «Высокое и трудное бремя чувств». *Литературная газета*, 9 августа, 11.
Урал. 1976. 9:179–182.
 Урланис, Борис. 1968. «Берегите мужчин!». *Литературная газета*, 24 июля, 12.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА (РГАЛИ):
 Ф. 634. Оп. 5. Д. 1329. Стенограмма заседания «за круглым столом» по обсуждению статьи М. Ректорисовой «Средство против одиночества», опубликованной в № 23 газеты за 1967 г.
 Ф. 634. Оп. 5. Д. 1444. Отзывы читателей на статью Ю. Тимофеева «Высокое и трудное бремя чувств».
 Ф. 1864. Оп. 2. Д. 56. Долматовский Евгений Аронович. Стихотворения. Черновой автограф, автограф, машинопись с правкой автора, машинопись, вырезки из газет.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ЦГАЛИ):

- Ф. 345. Оп. 3. Д. 266. Отчет о работе ДК за 1982 год.
 Ф. 345. Оп. 6. Д. 124. Рецензии посетителей ДК на вечера, семинары, лекции, концерты.

“TWO LONELINESSES JUST MET”: LATE SOVIET LONELINESS AND MANAGEMENT OF CONTACTS

Mikhail Kulagin

*Mikhail Kulagin, Doctoral School of History, HSE University, Russia.
kulagin.mi@mail.ru.*

The article examines late Soviet loneliness and organizational solutions to overcome it. It explores networks of social relations constituting loneliness, material artifacts that mediated the establishment of contacts between lonely people, and the composition of socio-technical infrastructures that set the routes of movement of people, things, and information. The discovery of loneliness as a spatial problem with specific places of geographical concentration, which transpired as a result of newspaper discussions during the 1970s–1980s, led to the development of complex topological solutions. Among the measures developed in the late USSR to combat loneliness that are examined in this article were social evenings, personal ads, and dating services. The article describes the emergence of social evenings, including their spatial and temporal characteristics, and the underlying principles of how they functioned, illustrating how cultural events were adapted to facilitate dating for single people and how they transformed cultural community centers into hubs of resistance to loneliness. Personal ads that began to appear in newspapers were a result of cultural transfer and were mediating social technologies that preceded face-to-face meetings between singles. The impact of the material aspects of communication—enabling contacts between individuals from different parts of the country—is analyzed in terms of how connectivity was organized. The newly emerging dating services were an institution that combined existing technical solutions with a dataset of questionnaires, which served as a repository of loneliness; computers and landline phones played an important role in facilitating contacts for lonely individuals. The article’s conclusion emphasizes that the emergence of loneliness as a social problem and the development of corresponding solutions mark significant qualitative shifts in Soviet social life. These institutions and social technologies aimed at combating loneliness coordinated human trajectories, promoted mobility, and helped bridge the spatial and temporal divides characteristic of late modernity. The study is based on materials from the central and local press, letters of lonely people to the newspaper *Literaturnaia gazeta*, transcripts of experts’ meetings conducted by the newspaper’s editorial office, memoirs and fiction, and the 1976 documentary film *Razreshite poznamoit’sia* (Let me introduce myself) about the first attempts to overcome loneliness in an organized way.

Keywords: Loneliness; Late USSR; Late Socialism; Encounters; Dating; Social Topology; Other Spaces; Dating Service; Personal Ads

REFERENCES

- Alberti, Fay Bound. 2019. *A Biography of Loneliness: The History of an Emotion*. Oxford: Oxford University Press.
- Bakhtin, Mikhail. 1975. "Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoi poetike." Pp. 234–407 in *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Bikbov, Alexander. 2014. *Grammatika poriadka: Istoricheskaia sotsiologiya poniati, kotorye meniaut nashu real'nost'*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Boldyrev, Vladimir. 1974. *Itogi perepisi naseleniia SSSR*. Moscow: Statistika.
- Chudacoff, Howard. 2020. *The Age of the Bachelor: Creating an American Subculture*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Cocks, Harry. 2009. *Classified: The Secret History of the Personal Column*. London: Arrow Books.
- Cohen, Susanne. 2015. "Humanizing Soviet Communication: Social-Psychological Training in the Late Socialist Period." *Slavic Review* 74(3):439–463. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.74.3.439>.
- Dumm, Thomas. 2008. *Loneliness as a Way of Life*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Durkheim, Émile. (1897) 1994. *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etiud*. Moscow: Mysl'.
- Foucault, Michel. (1969) 2004. *Arkheologiya znaniia*. Saint Petersburg, Russia: ITs "Gumanitarnaia Akademiia"; Universitetskaia kniga.
- Foucault, Michel. (1984) 2006. "Drugie mesta." Pp. 191–204 in *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu*, edited by Valeriia Bol'shakova, pt. 3. Moscow: Praksis.
- Fürst, Juliane. 2023. *Tsvety, probivshie asfal't: Puteshestvie v sovetskuiu Khipliandiui*. Moscow: No-voe literaturnoe obozrenie.
- Goffman, Erving. (1967) 2009. "Smushchenie i sotsial'naia organizatsiia." Pp. 120–137 in *Ritual vzaimodeistviia: Ocherki povedeniia litsom k litsu*, edited by Nina Bogomolova and Dmitrii Leont'ev. Moscow: Smysl.
- Häberlen, Joachim C. 2021. "Feeling at Home in Lonely Cities: An Emotional History of the West German Urban Commune Movement During the Long 1970s." *Urban History* 48(1):143–161. <https://doi.org/10.1017/S0963926819000841>.
- Huxtable, Simon. 2013. "In Search of the Soviet Reader: The Kosygin Reforms, Sociology, and Changing Concepts of Soviet Society, 1964–1970." *Cahiers du monde russe* 54(3/4): 623–642.
- Huxtable, Simon. 2022. *News from Moscow: Soviet Journalism and the Limits of Postwar Reform*. Oxford: Oxford University Press.
- Iarmolich, Fedor. 2022. "Klubnye uchrezhdeniia v gorodskom prostranstve Leningrada (1950–1960-e gody)." *Tekhnologos* 4:131–140. <http://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.4.11>.
- Ismail, Ali Adam, Nsilulu Tresor Mbungu, A. Elnady, Ramesh C. Bansal, Abdul-Kadir Hamid, and Mohammad AlShabi. 2022. "Impact of Electric Vehicles on Smart Grid and Future Predictions: A Survey." *International Journal of Modelling and Simulation* 43(6):1041–1057. <https://doi.org/10.1080/02286203.2022.2148180>.
- Kharkhordin, Oleg. 2021. *Oblichat' i litsemerit': Genealogiia rossiiskoi lichnosti*. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Klinenberg, Eric. (2012) 2014. *Zhizn' solo: Novaia sotsial'naia real'nost'*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
- Kolosov, Vladimir, and Pavel Polian. 2009. "Ogranichenie territorial'noi mobil'nosti i konstruirovaniie prostranstva ot stalinskoi epokhi do nashikh dnei." Pp. 25–48 in *Rezhimnye liudi v SSSR*, edited by Tamara Kondrat'eva and Andrei Sokolov. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.
- Kulagin, Mikhail. 2023. "Predchuvstvie znakomstva: Sotsialisticheskaia nastroiika probnykh brachnykh ob'iavlenii v sovetskoi pechati 1970-kh gg." *Praktiki i interpretatsii: Zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniia* 8(4):162–193.
- Kulagin, Mikhail. 2024. "Izobreteniie odinochestva v pozdnem SSSR: K istorii odnoi diskussii." *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia* 4(67):183–195. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-183-195>.

- Kurg, Andres. 2019. "Free Communication: From Soviet Future Cities to Kitchen Conversations." *Journal of Architecture* 24(5):676–698. <https://doi.org/10.1080/13602365.2019.1670230>.
- Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. 2001. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- Lebina, Natal'ia. 2018. *Muzhchina i zhenshchina: Telo, moda, kul'tura. SSSR—ottepel'*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Perevedentsev, Viktor. 1972. *Naselenie SSSR*. Moscow: n.p.
- Pinsky, Anatoly. 2018. "Predislovie." Pp. 9–38 in *Posle Stalina: Pozdnesovetskaia sub"ektivnost' (1953–1985)*, edited by Anatoly Pinsky. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Razuvalova, Anna. 2015. *Pisateli—"derevenshchiki": Literatura i konservativnaia ideologiia 1970-kh godov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rosa, Hartmut. 2013. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Rubinov, Anatolii. 1975. *Otchego gorozhaninu nekogda*. Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Rubinov, Anatolii. 1986. *Sem'ia, odinochestvo, liubov'*. Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Sacks, Harvey, Emanuel Schegloff, and Gail Jefferson. (1974) 2015. "Prosteishaia sistematika organizatsii ocherednosti v razgovore." *Sotsiologicheskoe obozrenie* 14(1):142–202.
- Simmel, Georg. 2002. "Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn'." *Logos* 3:1–12.
- Snell, Keith David Malcolm. 2017. "The Rise of Living Alone and Loneliness in History." *Social History* 42(1):2–28. <https://doi.org/10.1080/03071022.2017.1256093>.
- Soliz, Aryana. 2021. "Gender and Cycling: Reconsidering the Links Through a Reconstructive Approach to Mexican History." *Mobilities* 17(6):814–835. <https://doi.org/10.1080/17450101.2021.1939109>.
- Starks, Tricia. 2018. "'Save the Men!' Demographic Decline and the Public Response in the Late Soviet Period." *Sibirica* 17(2):85–93. <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170206>.
- Strimpel, Zoe. 2020. *Seeking Love in Modern Britain: Gender, Dating and the Rise of "the Single"*. London: Bloomsbury Academic.
- Strimpel, Zoe. 2023. "In Solitary Pursuit: Loneliness and the Quest for Love in Modern Britain." Pp. 149–161 in *The Routledge History of Loneliness*, edited by Katie Barclay, Elaine Chalus, and Deborah Simonton. Abingdon, UK: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429331848-12>.
- Urry, John. (2007) 2012. *Mobil'nosti*. Moscow: Praxis.
- Vincent, David. (2015) 2022. *Istoriia odinochestva*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Wolfe, Thomas. 2005. *Governing Soviet Journalism: The Press and the Socialist Person After Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
- Yurchak, Alexei. (2005) 2014. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zakharova, Larissa. 2014. "Communication, Mobility and Control in the Soviet Union After World War II." Pp. 23–44 in *Mobilities in Socialist and Post-Socialist States: Societies on the Move*, edited by Kathy Burrell and Kathrin Hörschelmann. New York: Palgrave Macmillan.
- Zdravomyslova, Elena, and Anna Temkina. 2002. "Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom disurse." Pp. 432–351 in *O muzhe(N)stvennosti: Sbornik statei*, edited by Serguei Oushakine. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zdravomyslova, Elena, and Anna Temkina. 2003. "Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve." *Zhurnal issledovaniia sotsialnoi politiki* 1(3/4):299–322.
- Zdravomyslova, Elena, and Anna Temkina. 2007. "Sovetskii etakraticeskii gendernyi poriadok." Pp. 96–137 in *Rossiiskii gendernyi poriadok: Sotsiologicheskii podkhod*, edited by Elena Zdravomyslova and Anna Temkina. Saint Petersburg, Russia: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.